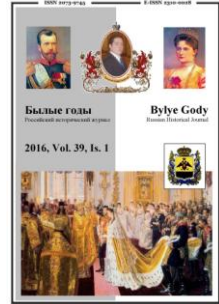

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 137-145, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

**The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region:
 the history of the resettlement of one of the peasant community according
 the material of atamanskaya kotselyariya**

Artyom Y. Peretyatko^{a, *}

^a Laboratory of Military Research, International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the negative effects of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region. The author shows that the result of this reform was mass resettlement of peasants in Mius District without the right of choice of land and compensation for real estate. The main attention is paid to the passive resistance of the inhabitants of one village attempts to evict them on unprepared areas, selected by their former landlord. Results of the research are the findings that the interests of the peasants living on the land of the yurt were completely ignored during the conduct of the Emancipation Reform, and that until 1868 the local officials refused to go on any compromise. Only after the complete failure of the brutal policies local administration made concessions and allowed peasants to select sites for relocation.

Keywords: Don Peasantry, Emancipation Reform of 1861, village Gavrilovka, resettlement of peasants to the Mius District in 1860-1870, A. M. Dondukov-Korsakov, P. H. Grabbe, A. L. Potapov.

1. Введение

Любые исторические события, любые реформы и преобразования оказывают влияние на судьбы тысяч живых людей, иногда облегчая их, а иногда и калеча. Что-то попадает в периодическую печать, становится содержанием даже художественной литературы, но большая часть фактов остается запечатлена только в чиновничьих рапортах и донесениях, молчаливо лежащих на полках архивов. Между тем некоторые из этих историй, изложенных сухим, чиновничьим языком, описывают подлинно драматические сюжеты. Обращение к ним позволяет понять неприглядную изнанку известных фактов, узнать цену, которую платили простые люди за те или иные преобразования.

1860 гг., разгар эпохи «великих реформ», были временем множества ярких событий, привлекавших внимание как столичной публики, так и провинциалов. На Дону это время запомнилось достаточно громкой полемикой «прогрессистов» и «казакоманов», следы которой можно проследить не только в донской, но и в столичной печати (Перетятко, 2015: 227-233). Шла подготовка к созданию земств на территории Земли Войска Донского (Волвенко, 1998: 49-58), начальника войскового штаба, князя А.М. Дондукова-Корсакова его противники обвиняли чуть ли не в попытке разжечь казачье восстание (Volvenko, 2015: 22-33). На фоне этих процессов драма многочисленных переселенцев с юртовых земель, глухо отозвавшись в сборнике трудов Донского статистического комитета и на страницах местных газет, оказалась забыта историками. Мы попытаемся хоть немного исправить эту несправедливость, показав, насколько сложно и тяжело для части бывших крепостных протекала крестьянская реформа на Дону.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (Artyom Y. Peretyatko)

2. Материалы и методы

2.1. Документы, в которых нашли отражение различные аспекты процесса освобождения крестьян на территории Земли Войска Донского, крайне разнообразны. В их числе и правительственные распоряжение о облегчении положения временнообязанных (ГАРО, 692: 1-3), и отчеты чиновника, присланного на Дон для контроля за ходом реформы (ГАРО, 748: 37-86), и материалы по истории отдельных поселений (ГАРО, 671: 1-60).

2.2. На основании совокупности источников, применяя историко-системный метод, мы можем выполнить интересующую нас задачу: реконструировать в общих чертах как ход крестьянской реформы в целом, так и его влияние на жизнь отдельно взятой крестьянской общины. В то же время, используя историко-сравнительный метод, мы убедимся, что выбранное нами поселение было типичным, и аналогичные ситуации происходили как рядом с ним, так и в других округах Земли Войска Донского. Таким образом, мы надеемся дать хотя бы общее представление о некоторых особенностях освобождения крестьян на Дону в рамках небольшого исследования.

3. Обсуждение

Данная задача представляется нам весьма актуальной, поскольку ход крестьянской реформы на территории Земли Войска Донского не привлекал сколько-либо серьезного внимания современных исследователей. Некоторые из них вообще предлагают считать, что до середины XIX в. Дон был односословным, казачьим регионом, а потеря этого статуса связана с введением в 1868 г. в действие закона, позволяющего селиться на его территории лицам невойскового сословия (Тикиджьян, 1996: 250). Между тем, по свидетельствам современников, уже к 1861 г. крестьяне оставляли около 1/3 населения Земли Войска Донского (Краснов, 1863: 227). Выпущена и монография, посвященная крестьянству Дона в дореформенный период (Ревин, 2005: 3-185).

Ход крестьянской реформы 1861 г. в общих чертах был описан уже в 1867 г. А.А. Карасевым в его исследовании истории донского крестьянства (Карасев, 1867: 69-121). Он отмечал и тяжелейшее положение, в которое поставила реформа бывших крепостных, проживающих на юртовых землях, и крайне жесткую позицию администрации по отношению к ним, и пассивное сопротивление многих поселений правительственным распоряжениям. Несмотря на неизбежные недостатки, написанная по горячим следам статья А.А. Карасева остается, пожалуй, лучшей работой о освобождении донских крестьян по сей день. Однако ей изучение крестьянской реформы на Дону фактически и ограничилось. Е.П. Савельев в своей книге о донском крестьянстве (Савельев, 1917: 2-78) только пересказал материалы, собранные А.А. Карасевым, существенно сократив их. В немногочисленных современных работах главное внимание уделяется подготовке освобождения крестьян на Дону, а ее претворение принятых при этом решений в жизнь описывается предельно кратко (Ревин, 2008: 138-141). Понятно, что в этих условиях отдельные аспекты крестьянской реформы остаются неизвестными. В частности, поскольку большая часть авторов опирается на статью А.А. Карасева, события после 1867 г. оказались вне их поля зрения. Между тем, как мы покажем ниже, выселение крестьянских и помещичьих хозяйств с юртовых земель, предусмотренное реформой 1861 г., закончилось только в 1877 гг.

4. Результаты

В одной из своих прошлых работ мы отмечали, что в дореформенный период многие крестьяне, в основном малороссийского происхождения, жили при казачьих станицах. С 1835 г. это было формально запрещено, и крестьянские хозяйства, расположенные на станичных землях, подлежали выселению, главным образом в Миусский округ. Однако на практике местные власти не прилагали активных усилий в данном направлении, и значительная часть донского крестьянства к 1861 г. продолжала пользоваться станичной землей (Peretyatko, 2015: 260-264). В соответствии с представлениями Войсковой канцелярии, донским крестьянам не принадлежали не только их участки, но и даже их дома и церкви (Лишин, 1894: 221). В 1861 г. для многих крестьян это оказалось настоящей катастрофой: поместья их хозяев могли находиться в другом округе, и «наделение землей» на практике означало переселение, в некоторых случаях более чем за 200 верст (ГАРО, 692: 1-3). Более того, владения отдельных донских помещиков существовали только на бумаге, представляя собой голую степь, поскольку и они сами, и все их крестьяне жили при казачьих станицах (ГАРО, 671: 1, 33). Даже временнообязанные, подлежащие переселению на войсковые земли, так как их хозяева не имели обмежеванных поместий, оказались в аналогичной ситуации: их могли выселить на любой свободный участок, признанный пригодным к обработке, в пределах Земли Войска Донского, без права выбора (ГАРО, 692: 2).

На первый взгляд могло показаться, что войсковое присутствие по крестьянским делам в этих условиях повело себя достаточно гуманно, обратившись в Военное Министерство и МВД с просьбой разобраться в ситуации и облегчить положение переселенцев (ГАРО, 692: 1). На практике, однако, подобное человеколюбие было неприкрытым издевательством. Дело в том, что для переселения отводились сроки не более полутора лет, и войсковые власти всерьез озаботились судьбой помещиков, интересы которых могли пострадать из-за переселения до рассмотрения данного обращения. Им удалось добиться целого ряда отсрочек, и, в конце концов, для донских дворян срок

переселения был продлен до 1870 г. (ГАРО, 1083: 4). Однако для крестьян ничего подобного сделано не было, и они оказались в безвыходной ситуации. С одной стороны, «многим из них» (дословная цитата) было известно, что в Санкт-Петербурге рассматривается обращение войсковых властей о облегчении их положения, и, возможно, им будет дано право выбирать землю для переселения, а часть расходов на обустройство возьмет на себя казна. С другой стороны, по закону они не могли ждать, пока данное обращение будет рассмотрено, а должны были переселяться немедленно, по старым правилам. Понятно, что многие хозяйства всеми правдами и неправдами затягивали подготовку к «наделению землей», но войсковое присутствие по крестьянским делам не считало возможным идти им навстречу (ГАРО, 748: 10).

Такова была общая картина, когда началось долгая, упорная, и, в конечном счете, успешная борьба крестьян одного из донских поселений с местной администрацией. Мы пишем «одного из поселений» потому, что оно не имело даже общепризнанного имени. Донской помещик Ираклий Колпаков в 1831 г. купил несколько десятков крепостных, и поселил их, не предоставив отчета о том, под Новочеркасском. До 1852 г. местные власти делали вид, что не замечают крестьян, живущих вопреки имперскому законодательству на юртовых землях. Когда ситуация вскрылась, Ираклий Колпаков получил в пользование соответствующий количеству крестьян участок в Миусском округе, куда и должен был переселить их всех за два года, т.е. к 1854 г. (ГАРО, 671: 906). Однако выполнять данное распоряжение он не собирался, и даже не проверил пригодности к земледелию предоставленного ему участка. Новочеркасские власти до 1861 г. снова одолела странная слепота, и поселение Колпакова до его «освобождения» опять не привлекало их внимания (ГАРО, 671: 33). Поэтому нет ничего удивительного, что в разных инстанциях официально несуществующее поселение называли по-разному: и Гавриловкой, и Кундрючинско-Гавриловкой, и Колпаково-Кундрючинском, и Гаврилово-Колпаковым (ГАРО, 671: 1-33).

1861 г. обернулся для жителей Гавриловки шоком. Оказалось, что по официальным бумагам они уже несколько лет жили в Миусском округе, на земле, которую никто из крестьян в глаза не видел. При этом насколько прежде администрация была терпима к Ираклию Колпакову, настолько теперь мировой посредник оказался бескомпромиссен по отношению к его бывшим крепостным: от них требовали переселиться в течении года, несмотря на то, что на новом месте не было ни домов, ни хозяйственных построек, ни посевов, только голая степь (ГАРО, 671: 1a). Никаких объективных причин для такой поспешности не было, отношения крестьян с казаками были самые добрососедские, и станичное правление не возражало против задержки (ГАРО, 1083: 14). Но на компромисс чиновники не шли, была отклонена даже просьба жителей Гавриловки разрешить выборным вместе с мировым посредником освидетельствовать предоставленные участки в Миусском округе (ГАРО, 671: 1). Именно это и стало своеобразным спусковым крючком драмы: некто Фрол Кузьмиченков заявил, что Ираклий Колпаков, выбирая участок вслепую, взял безводные, непригодные к обработке земли (ГАРО, 671: 5-7).

Как следует из документов, ни местный съезд мировых посредников, ни войсковое по крестьянским делам присутствие просто не захотели слушать крестьян. С их точки зрения все происходило в рамках закона, поскольку новые наделы проходили по документам Межевой комиссии как удобные, и, следовательно, нужды в их дополнительном освидетельствовании не было (ГАРО, 671: 2-7). Любопытно отметить, что если в рамках дела о жителях Гавриловки войсковое по крестьянским делам присутствие руководствовалось подобным, чисто формальным подходом, то с нежелающими переселяться помещиками войсковые власти занимали совершенно иную позицию: одно из дел ГАРО состоит из прошений от различных местных и войсковых органов Военному Министерству о предоставлении ряду помещиков 1 и 2 Донского округов не предусмотренных законом льгот, например, потому, что предназначенная им для переселения земля хотя и числится удобной, но менее плодородна, чем прежние участки (ГАРО, 741: 1-98). В итоге временнообязанные Ираклия Колпакова обратились с жалобой напрямую в Военное Министерство, которое, разумеется, сумело рассмотреть ее далеко не сразу. Только 11 сентября 1862 г., когда по закону жители Гавриловки уже должны были быть водворены на новое место, в Санкт-Петербурге распорядились все-таки провести освидетельствование предложенных им участков на пригодность к обработке (ГАРО, 671: 1).

Но исполнявший обязанности войскового атамана князь А.М. Дондуков-Корсаков поручил проведение освидетельствования войсковому по крестьянским делам присутствию, т.е., органу, уже отвергшему просьбы жителей Гавриловки как незаконные. На практике землю осматривал мировой посредник Миусского округа без свидетелей, и в составленном отчете нашла отражение только его точка зрения. Он утверждал, что предложенные для переселения участки намного удобнее прежних, и единственной причиной жалобы бывших крепостных Ираклия Колпакова является их «упрямство» (ГАРО, 671: 2-7). Хотя в дальнейшем данную оценку никто не пытался оспаривать, сама практика осмотра земли одним мировым посредником представляется нам порочной: на Дону имели место случаи, когда на данную должность назначались заведомо некомпетентные лица. В частности, мировой посредник 3 участка Донецкого округа подполковник Скасырский ранее состоял под судом. Однако во время его назначения на новую должность это не было учтено, и вскрылось только через несколько лет, после проявленной нерадивости на новом посту (ГАРО, 906: 2-3).

Войсковое присутствие к мнению мирового посредника присовокупило, что нежелание временнообязанных переселяться является недопустимым, и призывало зачинщиков, в первую очередь Флора Кузьмиченкова, предать суду, а крестьян выселить из-под Новочеркаска немедленно (ГАРО, 671: 2-7). Обратим внимание на очередной пример поразительной логики местной администрации: формально дело жителей Гавриловки еще не было закрыто, участки для их переселения не были утверждены Военным Министерством, а на сам процесс переселения отводился, как мы отмечали выше, один год. Но войсковое по крестьянским делам присутствие отсчитывало год не с момента принятия окончательного решения о месте переселения, а с сентября 1861 г., делая из этого вывод, что все законные сроки уже вышли. Отметим так же, что в документах, составленных донскими чиновниками, ни словом не упоминалось о вине Ираклия Колпакова, не организовавшего переселения до отмены крепостного права, хотя и отмечалось, что жители Гавриловки вообще проживают на своих участках незаконно, и должны были быть переселены еще в 1854 г. (ГАРО, 671: 90б).

Глубокой осенью 1862 г. в Гавриловку въехала 5 сотня 43 казачьего полка. Бюрократическая машина Российской империи снова словно издевалась над простыми людьми: процесс переселения должен был считаться добровольным, и, как гласит документ, крестьяне под угрозой силы «выразили желание переселиться». В Миусский округ было отправлено несколько мужчин для подготовки к созданию поселения на новом месте, но большей части жителей разрешили остаться в своих домах на зиму. Казачья сотня ушла в соседние деревни, так же проявляющие «упрямство», по терминологии войскового присутствия (ГАРО, 671: 8). Но история борьбы за землю только начиналась...

23 марта 1863 г. Военное Министерство, наконец, определилось со льготами для переселенцев. Казалось, что самый важный вопрос решен все-таки в пользу крестьян: тем из них, которые жили на войсковых и станичных запасных землях, было разрешено остаться, а переселенцы с юртовых станичных земель теперь могли выбирать участки для переселения. Войсковые власти должны были показывать выборным от крестьянских обществ подходящие угодья, причем, по возможности, расположенные рядом со старыми (хотя бы в пределах одного округа). Более того, каждый переселенец получал право на компенсацию из казны, в размере не менее 50 рублей, и освобождение от повинностей на 1-1,5 года. Военное Министерство подчеркивало, что право на льготы имеют все переселенцы, в том числе и проживающие на юртовых землях незаконно (ГАРО, 692: 1-3). Однако войсковое по крестьянским делам присутствие с уже знакомым нам формализмом обошло данное постановление: оно сочло возможным применять его только к тем крестьянам, для которых официальный срок переселения истек после 23 марта 1863 г. Таким образом, борьба многих хозяйств за то, чтобы продержаться на старой земле дольше отведенного мировыми посредниками срока, оказалась бесполезной: они дождались утверждения льгот для переселенцев, но по инициативе местной администрации на них эти льготы распространены не были (ГАРО, 748: 10-11). А вот донские помещики, для которых, напомним, войсковое присутствие добилось отсрочки переселения до 1870 г., свои льготы получили: теперь за каждого крестьянина, числившегося в собственности по 8-й ревизии, переселяющийся дворянин имел право на компенсацию в размере 5 десятин земли (ГАРО, 692: 1-3).

13 мая 1863 г. Военное Министерство одобрило распоряжения войскового по крестьянским делам присутствия о переселении жителей поселения Гавриловки (ГАРО, 671: 28-29). Но последние не торопились отправляться в путь, возможно, обнадеженные новым постановлением о льготах. Мировой посредник был этим крайне недоволен, однако с уходом казачьей сотни реальных инструментов воздействия на непокорных крестьян не имел (ГАРО, 671: 38-39). Развитие драмы приостановилось на целый год: только в марте 1864 г. временнообязанные Ираклия Колпакова предприняли последнюю попытку договориться с властями, направив прошение войсковому атаману П.Х. Граббе. Именно в нем подробно расписывалась предыстория сложившейся ситуации, и показывалось, что переселения до 1861 г. не произошло исключительно по вине помещика, даже не уведомившего крестьян, что они получили участки в Миусском округе. Авторы прошения признавали, что по закону права на льготы они не имеют, но просили атамана позволить им самим выбрать землю для переселения, мотивируя это тем, что казна от подобного убытка не потерпит, а жителям Гавриловки будет много проще переселяться не далеко на запад, а на ближайшую удобную свободную землю. П.Х. Граббе счел возможным данное прошение удовлетворить, но воплощено в жизнь оно не было (ГАРО, 671: 33).

Мировой посредник, в течение последних лет безуспешно пытавшийся выселить бывших крепостных Ираклия Колпакова, вовсе не собирался идти на какие-либо уступки. Получив предписание помочь крестьянам выбрать землю, он немедленно обратился к тому же П.Х. Граббе, убеждая его переменить принятое решение. При этом руководствовался мировой посредник весьма своеобразной логикой: по его мнению, распоряжение войскового атамана ставило в невыгодное положение тех немногочисленных жителей Гавриловки, которые уже переселились (ГАРО, 671: 38-39). Отметим, что прежняя риторика о том, что участки в Миусском округе лучшего качества и отказ от переселения связан только с упрямством, была отброшена: мировой посредник наконец признал, что переселяться в соседний округ без какой-либо компенсации все-таки неудобно. Однако на смену этой риторике пришла новая, не менее лицемерная: теперь подчеркивалось, что раз часть крестьян

уже переселилась на прежних, крайне тяжелых условиях, подобным же образом надо переселить всех, иначе будет нарушена «справедливость» (мы берем это слово в кавычки, так как оно является цитатой). Многолетняя борьба крестьян за свои права была, по мнению мирового посредника, дополнительным отягощающим фактором: он утверждал, что любая уступка жителям Гавриловки подрвет его авторитет, а временнообязанные соседних поселений убедятся, что борьба с решениями войскового по крестьянским делам присутствия может закончиться в пользу переселенцев (ГАРО 671: 38-39).

Нам представляется, что личности донских атаманов оказывали существенное влияние на ход крестьянской реформы на Дону. А.А. Карасев характеризует правление П.Х. Граббе как крайне бессистемное, несмотря на личную доброту генерала (Карасев, 1899: 108-109). Это сказалось и в отношении Гавриловки: П.Х. Граббе, уже удовлетворивший прошение ее жителей, затем прислушался к доводам мирового посредника, и вместо права выбора земли бывшие крепостные Ираклия Колпакова получили новую проблему. Местной администрации в помощь снова была дана войсковая команда (ГАРО, 671: 44-47), однако жители Гавриловки быстро научились бороться и с ней. Следующие несколько лет развивались по одному и тому же трагикомическому сценарию. Каждую осень в поселение вступали войска, и силой заставляли временнообязанных «выразить желание переселиться». Однако переселяться было некуда, участки в Миусском округе так и оставались необустроенными. Мировой посредник позволял крестьянам остаться в своих домах на последнюю зиму, с условием, что с весны начнется серьезная подготовка к уходу на новое место. Реально проверить, насколько активно ведется данная подготовка мировой посредник не мог, и к концу лета обнаруживал, что по существу ничего не сделано. Он вызывал войсковую команду, и все начиналось сначала (ГАРО, 671: 50-54).

Не только в Гавриловке крестьяне не желали переселяться на условиях войскового по крестьянским делам правления. Ситуация даже привлекла внимание имперских властей, и в 1865 г. на Дон по распоряжению императора (не Военного министерства) был направлен генерал-майор А.Л. Потапов с задачей проследить за ходом реформы. Напомним, что А.Л. Потапов в 1861-1864 гг. был управляющим III отделением и исполняющим должность начальника штаба корпуса жандармов. Он принадлежал к числу сторонников П.А. Шувалова, критиковавших Д.А. Милютина с консервативных позиций (Волвенко, 2014: 386). Войсковое по крестьянским делам присутствие представило прибывшему из столицы чиновнику подробное обоснование своих действий, риторика которого была близка к риторике мирового посредника, требовавшего переселения жителей Гавриловки. Члены присутствия признавали, что распоряжение Военного Министерства о предоставлении льгот переселенцам допускало двоякую трактовку. Льготы могли быть предоставлены как всем крестьянам, реально не переселившимся до 23 марта 1863 г., так и только тем, кто официально должен был быть переселен после этого срока. Донские крестьяне считали верным первый вариант, но войсковое присутствие придерживалось совершенно иного мнения. Во-первых, отказываясь переселяться в срок, временнообязанные уже нарушали закон, а давать льготы нарушителям было странно. Во-вторых, из «справедливости» не следовало давать одним переселенцам существенных привилегий над другими (ГАРО, 748: 10-12). Таким образом, признавая проблемы при проведении крестьянской реформы на Дону, местные власти возлагали их исключительно на самих крестьян. Войсковое присутствие по крестьянским делам еще раз показало, что придерживается сугубо формальных подходов, интересуясь только исполнением законов и «справедливостью», но не думая о тяжелейшем положении, в котором оказывались крестьяне. При этом «справедливость» была крайне своеобразной: распоряжение Военного Министерства выплачивать переселенцам деньги на обустройство (которые можно было рассматривать как компенсацию за теряемую недвижимость) справедливым членам войскового присутствия почему-то не показалось.

Как бы там ни было, А.Л. Потапова данные ему объяснения вполне удовлетворили, и в своем отчете он фактически повторил их (ГАРО, 748: 15-43). В этом нет ничего удивительного, поскольку характер посланного на Дон ревизора характеризовался, по мнению А.А. Карасева, в первую очередь двумя качествами: чиновничьей любовью к бумагам и страхом перед «потрясением основ» (Карасев, 1899: 109). Поскольку именно А.Л. Потапов сменил П.Х. Граббе на посту атамана, дальнейшее развитие ситуации с переселенцами было вполне предсказуемым: войсковые власти продолжали действовать крайне жестко, не идя на компромиссы и активно используя казачьи части для принуждения крестьян.

А.Л. Потапова не остановило даже то, что на практике, как показывает пример Гавриловки, подобная политика была крайне неэффективной. Правда, крестьяне больше не пытались ни убедить, ни смягчить местные власти, но их пассивное сопротивление оказалось крайне проблематично подавить грубой силой. События развивались по все тому же сценарию: каждую осень под давлением войсковой команды временнообязанные Ираклия Колпакова подтверждали «желание переселиться», но с уходом казаков все приготовления к переселению заканчивались. Число не переселенных крестьянских общин даже в начале 1870 гг. исчислялось десятками (ГАРО, 1083: 1-21), и, понятно, держать в каждой из них военную часть было физически невозможно. К осени 1867 г. терпение мирового посредника и войскового по крестьянским делам присутствия истощилось настолько, что

они обратились напрямую к А.Л. Потапову, требуя от того принять «самые жесткие» меры (ГАРО, 671: 55-56). Однако и атаман не смог предложить ничего, кроме уже опробованных вариантов: в Гавриловку была снова введена казачья команда, и снова оказалось, что переселяться немедленно физически невозможно. Крестьянам было сделано последнее предупреждение, но им в очередной раз удалось добиться отсрочки на зиму (ГАРО, 671: 55-56).

Дело о переселении жителей Гавриловки не заканчивается, а обрывается. Последним документом является распоряжение передать его в архив, как утратившее актуальность (ГАРО, 671: 60-61). Между тем из других архивных материалов явствует, что еще в 1872 г. бывшие крепостные Ираклия Колпакова проживали под Новочеркасском, и должны были быть выселены с юртовых земель (ГАРО, 1083: 14). Таким образом, и в 1868 г. переселения не произошло, возможно, из-за смены атамана: на смену А.Л. Потапову пришел М.И. Чертков. Понял ли новый атаман неэффективность мер предшественника, или на то были иные, неизвестные нам причины, но в конце 1860 гг. произошло внезапное изменение правительственной политики по отношению к крестьянам. Возможно, сказала и сама личность нового атамана: от своего предшественника он выгодно отличался широтой взглядов, что проявлялось и в его служебной деятельности. Кроме того, он был губернатором Воронежской губернии непосредственно после 1861 г., и на этом посту уже сталкивался с проблемами временнообязанных, хотя и совершенно иного свойства. Чем на Дону (Карасев, 1899: 110-111).

К сожалению, именно в период 1868-1872 гг. крестьянский вопрос почти не нашел отражения в фондах атаманской канцелярии. Судя по позднейшим документам, в это время местные власти все-таки признали право временнообязанных самим выбирать землю, но это привело к новым проблемам. Оказалось, что правильно организовать процесс переселения не на помещичьи, а на свободные участки намного сложнее. Необходимо было представить Военному Министерству данные как о численности крестьян, так и о выбранной ими земле, и получить разрешение на переселение. Иногда документы терялись где-то в цепочке чиновников между мировым посредником и Санкт-Петербургом, и процесс затягивался на неопределенный срок (ГАРО, 1057: 4-6, 38). Кроме того, большая часть свободной земли была не обмежевана, а землемеров на местах не было. Не помогли ни запросы вышестоящей администрации, ни деньги: так, войсковые власти просто проигнорировали просьбу мирового съезда Усть-Медведицкого округа о помощи с размежеванием земли, а нанятый в частном порядке землемер просто скрылся с оплатой (ГАРО, 1057: 3). Впрочем, с переселяющимися помещиками дело обстояло еще хуже: когда в 1870 г. истек срок их законного пребывания на старом месте, и войсковые власти затребовали данные о отказавшихся переселяться, Межевая Комиссия представила сведения «неудовлетворительные», а полицейские управления «неполные и не верные». Только ревизор с особыми полномочиями сумел уладить дело (ГАРО, 1083: 12).

Фактически ни местные, ни войсковые власти после 1868 г. не торопили крестьян с выселением, в связи с чем дело о жителях Гавриловки и было, по-видимому, признано утратившим актуальность. Они все-таки сумели настоять на своем, и теперь числились в списках тех, кому должны были обмежевать землю по выбору (ГАРО, 1083: 14). В то же время Военное Министерство пребывало в счастливой уверенности, что к 1870 г. процесс переселения был завершен, раз связанные с ним беспорядки прекратились. Однако подобная ситуация создавала потенциальную опасность не только для крестьян, но и для помещиков. Опасаясь, что если ситуация вскрыется, донских дворян начнут насильно сгонять с юртовых земель, в 1872 г. войсковые власти обратились в Санкт-Петербург, прося еще дольше продлить для них сроки переселения. О крестьянах в этом документе не было ни слова, хотя они находились в аналогичных условиях (ГАРО, 1083: 4).

Однако Военное Министерство не разделяло любви войсковых властей к донским дворянам, и считало, что и срок в 9 лет, до 1870 г., был вполне достаточным для переселения. Вместо продления срока на Дон пришел приказ прислать исчерпывающие данные о не переселившихся помещиках, и принять по отношению к ним жесткие меры (ГАРО, 1083: 5-9). Только тут местная администрация и вспомнила о крестьянах, включив их в список наравне с донскими дворянами (ГАРО, 1083: 5-21). Однако, послав данный список в Санкт-Петербург, войсковое правление присовокупило, что переселенцы не виноваты, а переселения провести невозможно из-за не обмежеванности участков (ГАРО, 1083: 55-56).

К сожалению, судьба отдельных поселений из этого списка не отражена в архиве, и мы не знаем, когда точно жители Гавриловки получили вожделенные участки в своем округе. Но и этот процесс был не простым для крестьян: если помещикам землю обмежевывали сразу, то для временнообязанных сроки иногда переносили на годы, из-за «занятости землемеров». Так, в 1874 г. 12 общин уже подготовились к переселению, но были вынуждены остаться на старом месте (ГАРО, 1083: 71). Военное Министерство проявляло крайнее нетерпение, регулярно обращаясь в войсковое правление и требуя отчета о том, как идет процесс (ГАРО, 1083: 65-67). Любопытно отметить, что последними не обмежеванными были участки помещиков, хотя землемеров им высылали без годовых задержек: в 1877 г. еще 5 помещиков проживало на юртовых землях (ГАРО, 1083: 77). К этому времени терпение у Военного Министерства кончилось окончательно, и, хотя войсковые власти просили еще отсрочку, было приказано просто отдать их участки в пользование станичных обществ (ГАРО, 1083: 78-81).

5. Заключение

Итак, на примере Гавриловки хорошо видно, что для крестьян, проживающих на земле казачьих станиц, реформа 1861 г. стала катастрофой. Крепостное право на Дону вне районов со сплошным крестьянским населением было, по свидетельствам современников, относительно мягким (Peretyatko, 2015: 260-264), а платой за его отмену стало переселение за десятки, а то и сотни верст, причем проводить его предполагалось в сжатые сроки, без какой-либо компенсации за недвижимое имущество. Ситуацию дополнительно осложняла крайне формалистическая позиция войскового по крестьянским делам присутствия: под различными предлогами оно запрещало крестьянам самим выбирать землю для переселения, даже когда в 1863 г. Военное Министерство разрешило это. Страх временнообязанных бросать наделы, которые они обрабатывали десятилетиями, чтобы переселиться на участки, иногда совершенно незнакомые и находящиеся в голой степи, местные чиновники считали упрямством. А после 1863 г. они встали на защиту «справедливости», требуя, чтобы новые переселенцы были поставлены в те же условия, что и переселенные ранее. Особенно лицемерно данная позиция выглядела на фоне отношения к донским помещикам, для которых по инициативе тех же местных властей срок переселения был максимально продлен.

К счастью, подобная жестокость властей в значительной степени компенсировалась отсутствием у них средств для достижения своих целей. Важную роль играло зачастую теплое отношение рядовых казаков и станичных администраций к переселенцам: в случае с бывшими крепостными Ираклия Колпакова станичные власти никак не пытались согнать временнообязанных со своей земли, напротив, еще в 1872 г. они докладывали, что крестьяне живут в станице с их согласия (ГАРО, 1083: 14). В этих условиях пассивное сопротивление оказалось неожиданно эффективным. Исчерпав все методы давления, с 1868 г. чиновники резко смягчили свою позицию, и крестьянам, не переселившимся до этого, удалось осуществить переселение на своих условиях. Тем не менее, для многих донских крестьян освобождение стало если не трагедией, то тяжелейшей драмой, не заслуживающей того, чтобы память о ней была полностью забыта.

Литература:

Волвенко, 2014 - Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «великих реформ» (1860-1870-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. №3(2). С. 382-391.

Волвенко, 1998 - Волвенко А.А. Земская реформа в Области войска Донского (1864-1882) // Государственная власть и местное самоуправление, 1998. №1. С. 49-58.

ГАРО - Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 671. Дело о отказе крестьян переселяться из Донецкого в Миусский округ из-за непригодности назначенной им земли. 1862-1868.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 692. Дело о переселении крестьян из юртовых станичных земель Земли Войска Донского. 1863.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 741. Дело о распределении земель 1 и 2 Донского округов между помещиками и крестьянами. 1865-1870.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 748. Дело о организации быта бывших помещичьих крестьян на Дону. 1865.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 906. Дело о неправильных действиях бывшего мирового посредника полковника Скасырского. 1868.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1057. Дело о наделении крестьян душевыми наделами в юртах станиц Усть-Медведицкого округа. 1871-1877.

ГАРО - ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1083. Дело о выселении донских помещиков со станичных юртов. 1872-1877.

Карасев, 1867 - Карасев А.А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. I. Новочеркасск: Тип. газеты «Донской вестник», 1867. С. 69-121.

Карасев, 1899 - Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив, 1899. Кн. 2. С. 106-116.

Краснов, 1863 - Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1863. 522 с.

Лишин, 1894 - Лишин. А.А. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 3. Новочеркасск: тип. А.А. Карасева, 1894. 440 с.

Перетятыко, 2015 - Перетятыко А.Ю. Донской сепаратизм 1860 гг.: мифы, реальность и влияние на правительственную политику // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья. Ростов-на-Дону: изд. ЮНЦ РАН, 2015. С. 227-233.

Ревин, 2005 - Ревин И.А. Становление крестьянского сословия на Дону и в Приазовье: вторая половина XVIII в. – 1861 г. Ростов н/Д: Изд-во: СКНЦ ВШ, 2005. 188 с.

Ревин, 2008 - Ревин И.А. Накануне крестьянской реформы. Комитет по улучшению быта крепостных крестьян // Донской временник. 2008. С. 138-141.

Савельев, 1917 - Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Новочеркасск: Донская епархиальная типография, 1917. 80 с.

Тикиджьян, 1996 - Тикиджьян Р.Г. Казачество и иногороднее население Дона в пореформенный период (1861-1905 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар: изд. КубГУ, 1996. С. 249-260.

Peretyatko, 2015 - Peretyatko A.Y. Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // Русская старина. 2015. Vol.(16), Is. 4, pp. 258-282.

Volvenko, 2015 - Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Русская старина. 2015. Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37.

References:

Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)], Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences, 2014, Vol. 16, Nr.3(2), Pp. 382-391[in Russian].

Volvenko A.A. Zemskaja reforma v Oblasti vojska Donskogo (1864-1882) [Zemskaja reform in the Don Host Oblast (1864-1882)], State power and local self-government, 1998, Nr. 1, Pp. 49-58 [in Russian].

State archive of the Rostov region (next – GARO). F. 46. Op. 1. D. 671. Delo o otkaze krest'jan pereseljat'sja iz Doneckogo v Miususkij okrug iz-za neprigodnosti naznachenoj im zemli. [The matter of the refusal of peasants to move from Donetsk in Mius district because of the unsuitability of the land assigned to them]. 1862-1868. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 692. Delo o pereselenii krest'jan iz jurtovyh stanichnyh zemel' Zemli Vojska Donskogo. [The matter of the resettlement of peasants from yurt lands Don Host Oblast]. 1863. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 741. Delo o raspredelenii zemel' 1 i 2 Donskogo okrugov mezhdru pomeshhikami i krest'janami. [The matter of the distribution of lands 1 and 2 Don districts between landlordss and peasants.]. 1865-1870. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 748. Delo o organizacii byta byvshih pomeshhich'ih krest'jan na Donu. [The matter of the welfare of former landlords' peasants on the Don.]. 1865. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 906. Delo o nepravil'nyh dejstvijah byvshego mirovogo posrednika polkovnika Skasyrskogo. [The matter of wrong actions of the former conciliator Colonel Skosirsky.]. 1868. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 1057. Delo o nadelenii krest'jan dushevymi nadelami v jurtah stanic Ust'-Medvedickogo okruga. [The matter of the empowerment of peasants dushevymi nadelami in yurt of Ust-Medveditskaya district.]. 1871-1877. [In Russian].

GARO. F. 46. Op. 1. D. 1083. Delo o vyselenii donskih pomeshhikov so stanichnyh jurtovyh. [The matter of eviction landlords with the land of don cossaks yurt.]. 1872-1877. [In Russian].

Karasev A.A. Donskie atamany za poslednie polveka [Atamans of the Don Host Oblast over the past half century], Russkii arkhiv, 1899, Nr. 2, Pp. 106-116 [in Russian].

Karasev A.A. Donskie krest'jane [Peasants of Don region], Works of the Statistical Committee of Don Host Oblast. Vol. I. Novocherkassk: Printing house of the newspaper "Vestnik Donskoi", 1867. Pp. 69-121 [in Russian].

Krasnov N.I. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb.: Printing house of the Department of the General staff, 1863. P. 227 [in Russian].

Lishin. A.A. Akty, odnosjashiesja k Istorii Vojska Donskogo, sobrannye general-majorom A.A. Lishinym [Acts about the history of the Don Cossacks, collected by General-Major A. A. Lishin]. Vol. 3. Novocherkassk: printing house of A. A. Karasev, 1894. P. 221 [in Russian].

Peretjat'ko A.Ju. Donskoj separatizm 1860 gg.: mify, real'nost' i vlijanie na pravitel'stvennuju politiku [Don Cossacks separatism in 1860s: the myths, the reality and influence to government policy], The Problemsof Poly-Ethnic Macro-Region under the Destabilization Conditions in the Countries of the Caspian-Black Sea Region. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2015. Pp. 227-233 [in Russian].

Revin I.A. Nakanune krest'janskoy reformy. Komitet po uluchsheniju byta krepostnyh krest'jan [On the eve of the Emancipation Reform of 1861. The committee for the improvement of living conditions of the serfs], Don Vremennik. 2008. Pp. 138-141 [in Russian].

Revin I.A. Stanovlenie krest'janskogo soslovija na Donu i v Priazov'e: vtoraja polovina XVIII v. – 1861 g. [The formation of the peasant class on the Don region and in the Azov region: the second half of the XVIII century – 1861]. Rostov-on-Don: SCSC HS Publishers, 2005. P. 188 [in Russian].

Savel'ev E.P. Krest'janskij vopros na Donu v svjazi s kazach'im [The peasant question in connection with Don Cossacks]. Novocherkassk: printing house of don diocese, 1917. P. 80 [in Russian].

Tikidzh'jan R.G. Kazachestvo i inogorodnee naselenie Dona v poreformennyj period (1861-1905gg.) [The Cossacks and nonresident population of the Don region in the post-reform period (1861-1905 gg.)]. Kuban Cossacks: three centuries of the historical path. Krasnodar: publishing house of Kuban State University, 1996. P. 249-260 [in Russian].

Peretyatko A.Y. Russians and Ukrainians in the Don Host Oblast: the Background of Division of the Donetsk and Taganrog Districts Between the RSFSR and the UkSSR // Russkaya Starina, 2015. Vol.(16), Is. 4, pp. 258-282. [in Russian].

Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina, 2015. Vol.(13), Is. 1, pp. 19-37. [in Russian].

УДК 93/94

Темная изнанка крестьянской реформы 1861 г. на Дону: история переселения одной крестьянской общины на основе материалов фонда атаманской канцелярии

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, *}

^a Лаборатория военных исследований, Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена негативным последствиям крестьянской реформы 1861 г. на Дону. Автор показывает, что ее результатом стало массовое переселение крестьян в Миусский округ без права выбора земли и компенсации за недвижимое имущество. Основное внимание уделено пассивному сопротивлению жителей одного поселения попыткам выселить их на неподготовленные участки, выбранные их бывшим помещиком. Результатом исследования являются выводы о том, что при проведении крестьянской реформы были полностью проигнорированы интересы крестьян, живущих на юртовой земле, и о том, что до 1868 г. местные чиновники отказывались идти на какой-либо компромисс. Только после полного провала политики жестоких мер войсковая администрация пошла на уступки, и разрешила крестьянам выбирать участки для переселения.

Ключевые слова: донское крестьянство, крестьянская реформа 1861 г., поселение Гавриловка, переселение крестьян в Миусский округ в 1860-1870 гг., А.М. Дондуков-Корсаков, П.Х. Граббе, А.Л. Потапов.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)